

СТРАНА ЛЬВА И СОЛНЦА

ПРОВИНЦІЯ САВЭ.

(Краткій очеркъ по персидскимъ источникамъ).

(Продолженіе ¹⁾).

Нѣкоторыя бытовыя черты персидской арміи.

В Персія, какъ извѣстно, населена главнымъ образомъ народами двухъ расъ: арійцами и тюрко-татарами совершенно различными по происхожденію, языку, чертамъ характера и, можно сказать, ненавидящими другъ друга, но связанными общностью мусульманской религіи, шіитскаго толка, главою и защитникомъ которой является Шахъ-Инь. Шахъ, Повелитель Ирана.

Говоря о своей странѣ по персидски, подданный шаха рѣдко скажетъ «Персія», т. е. Фарсъ или Фарсистанъ, такъ какъ это слово—наименованіе лишь провинціи «Ширази», а скажетъ Иранъ, Иранистанъ, относя наименованіе своего государства не къ народу, его населяющему, а къ странѣ, населенной подданными Шаха. Очевидно, въ народномъ представленіи, а слѣдовательно, и въ языкѣ нѣтъ идеи о Персіи, какъ о національномъ государствѣ. Да и на самомъ дѣлѣ у персовъ какого либо представленія о любви къ родинѣ, о патріотизмѣ вовсе не существуетъ и насаждается лишь въ

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» № 10, 1908 г.

послѣднее время партію «Молодой Персіи», позаимствовавшей эти понятія изъ Европы.

Шитизмъ, т. е. религія является единственнымъ звеномъ, связывающимъ всѣ народы и племена Персіи. Всѣ арійцы, всѣ тюркотатары, семиты и туранцы, всѣ различныя племена, какъ то Бактіары, Луры, Курды, Белуджи и др. признаютъ своимъ властителемъ Шахъ-инъ-Шаха, лишь потому, что онъ является главою религіи. Но, если власть Повелителя Ирана и держится религіею, то тою же самою религіею она ослабляется, и, такъ сказать, ограничивается извѣстными рамками. Всѣ повелѣнія Шаха, вся его дѣятельность имѣетъ силу лишь пока онъ не идетъ въ разрѣзъ съ религіею, или, проще сказать, съ духовенствомъ. Но стоитъ Шаху поддаться какимъ либо новшествами, невыгоднымъ духовенству, задумать проведеніе реформъ безъ согласія послѣдняго, какъ правительство встрѣчаетъ сильное сопротивленіе со стороны муштанидовъ и муллъ и самаго народа. Вся исторія Персіи послѣдняго времени является постоянною борьбою правительства и духовенства, но борьбою, ограниченою извѣстными предѣлами, такъ какъ и Шахъ отлично понимаетъ, что безъ шитства онъ не можетъ существовать, и духовенство отлично знаетъ, что безъ Шаха шитство распалется. Орудіемъ для этой борьбы у Шаха—власть, у духовенства— нравственное вліяніе на общественное мнѣніе, сильное тѣмъ, что главное шитское духовенство живетъ въ Кербеллѣ, въ Турціи, повелитель которой—Султанъ всегда поддержитъ его дѣйствія, клонящіяся къ умаленію престижа Шаха, врага суннитовъ.

И такъ Шахъ волею-неволею, а долженъ виѣшнимъ образомъ поддерживать духовенство и выказывать себя хорошимъ мусульманиномъ-шитомъ. Въ теченіе мѣсяца Мохарема, въ дни Шахсей-Вахсей, Шахъ долженъ обязательно присутствовать на религиозныхъ представленіяхъ—мистеріяхъ, на которыхъ, въ силу обычая, въ видѣ актеровъ участвуютъ и войска.

Сила духовенства, грубаго и невѣжественнаго, и вліяніе его на народъ громадны. Не надо забывать, что въ его рукахъ не только духовная, но и судебная власть, позволяющая вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и военнаго. Тяжебныхъ имущественныхъ процессовъ всегда много, и большинство спорныхъ вопросовъ, сарбазовъ, разбирающихся даже военачальниками, въ концѣ концовъ все же сводится къ клятвѣ на коранѣ, т. е. къ акту, находящемуся въ рукахъ духовенства. Оттого сарбазы въ общеніи съ духовенствомъ, находящимся постоянно въ курсѣ всего, что дѣ-

дается и направляющимъ умы престоляродья въ желаемую сторону. Въ случаѣ какихъ либо внутреннихъ безпорядковъ, для подавленія которыхъ необходима вооруженная сила, духовенство всегда вліяетъ на солдатъ, и послѣдніе обыкновенно отказываются исполнять приказанія начальства, направленные къ дѣйствию оружіемъ. Такъ было въ концѣ царствованія Насръ-эдъ-Динъ-Шаха при введеніи табачной монополіи, такъ случилось и во время освободительнаго движенія 1906 г., когда 400 тѣлохранителей шаха, т. е. самыя отборныя и вѣрныя Шаху войска, по приказанію духовенства отказались усмирить оружіемъ волнующуюся толпу. Тоже самое продѣлалъ, и тогда же, цѣлый фоджъ.

Такимъ образомъ, вліяніе духовенства на войска громадно, и въ случаѣ войны Персіи съ какимъ либо государствомъ, борьба можетъ вестись персами съ успѣхомъ только въ случаѣ религіознаго ея характера и можетъ быть лишь особенно популярна при столкновеніи съ суннитами.

Шаріатъ и главное преданія и устныя толкованія его создали крайне неблагоприятныя условія для организаціи вооруженной силы. Первымъ и самымъ серьезнымъ тормазомъ является «бестъ».

Каждый мусульманинъ-шіитъ имѣетъ право укрыться въ неприкосновенное мѣсто, гдѣ никто не смѣетъ его тронуть. А неприкосновенными мѣстами являются гробницы святыхъ (Кумъ-Шахъ-Абдуль-Асимъ), мечети, шахскій дворець, его конюшни, жилища муштаидовъ и знатныхъ лицъ и даже пушка на майданѣ Топъ-Ханэ въ Тегеранѣ, гдѣ засѣвшій находится подъ охраною духовенства и правительства. Изъ беста можно выйти только по собственному желанію. Садится въ бестъ тотъ, кого обидѣли, убійцы, воры, разбойники, неисправные плательщики, мошенники и клеветники. Засѣвшій въ бестъ обыкновенно кричитъ о своей невинности, пишетъ жалобы въ порядкѣ постепенности своему начальнику, министру, садразаму и, наконецъ, самому Шаху, словомъ пропзводитъ скандалъ съ цѣлю добиться пересмотра своего дѣла, если онъ правъ, или, что чаще, чтобы добиться извѣстнаго компромисса, дабы остаться безнаказаннымъ. Пребываніе въ бестѣ, по мѣстнымъ обычаямъ, есть крайне непріятное обстоятельство для того, отъ кого укрываются. Общественное мнѣніе всегда на сторонѣ засѣвшаго, и противная сторона всеми силами старается войти въ сдѣлку и затушить скандалъ. Во время нахождения въ бестѣ засѣвшій долженъ кормиться на свои средства и, если его кто-либо не подстрекаетъ и не оказываетъ должной помощи, то выходитъ, когда

средства эти изсякаютъ; тогда онъ ночью обыкновенно куда-нибудь бѣжить, дабы не попасться въ руки враговъ. Но такіе случаи рѣдки. обыкновенно дѣло улаживается какимъ-либо компромиссомъ.

Пояснимъ примѣромъ, насколько бестъ мѣшаетъ военному дѣлу.

Положимъ, нужно командировать по требованію правительства отрядъ въ провинцію. Люди готовы, получаютъ денежные выдачи и должны выступить завтра. Но утромъ оказывается, что извѣстное количество нижнихъ чиновъ, а иногда и офицеровъ, не желало идти въ невыгодную командировку и сѣло въ бестъ. Тутъ они умалчиваютъ о настоящей причинѣ, заставившей ихъ укрыться въ бестъ, а пишутъ военному министру жалобы на начальство, на имѣвшія мѣсто когда-либо несправедливости, а чаще всего разного рода клеветы, крайне скандальнаго характера. Такъ напр., если начальникъ христіанинъ, то его обвиняютъ въ томъ, что онъ запрещалъ дѣлать омовеніе, мѣшалъ молитвѣ, словомъ поднимаютъ неудовольствіе черни и общественнаго мнѣнія, крайне легковѣрнаго къ слухамъ и рассказамъ. Если военный министръ не принимаетъ ихъ сторону, то пишутъ садразаму и, наконецъ, Шаху, который призываетъ начальника и заставляетъ кончить исторію въ пользу застѣвшихъ.

Садится въ бестъ часовой, не пожелавшей стоять на часахъ, лѣнивые нижніе чины, находящіе для себя слишкомъ труднымъ ходить на занятія, провинившіеся офицеры, вообще всякій недовольный начальствомъ. Укрывается и подрядчикъ, получившій задатокъ, но не находящій для себя выгоднымъ исполненіе принятаго на себя обязательства. Словомъ, это ужасный видъ пассивнаго сопротивленія.

Въ прежнія, еще недавнія времена, когда въ ходу были жестокія наказанія, нижніе чины боялись садиться въ бестъ, такъ какъ знали, что рано или поздно подъ благовиднымъ предлогомъ ихъ постигнетъ суровое возмездіе, причемъ за клевету обычаи требовали даже наказанія отъ Шаха. Но теперь, при упадкѣ власти правительства и при существованіи прессы, всегда готової бить въ набатъ, сидѣніе въ бестъ проходитъ даромъ. Поэтому зло беста громадно. Само персидское правительство его сознаетъ и еще по Гюллистанскому мирному договору Россія, въ число условій мира, по секретной просьбѣ персидскаго правительства, внесла требованіе уничтоженія беста. Но это осталось мертвою буквою, такъ какъ персидское правительство не имѣло ни достаточной власти, ни твердости, чтобы рѣшительно бороться съ ужаснымъ обычаемъ.

Вторымъ зломъ, непредвидѣннымъ Шаріатомъ, является дезертирство, которое бываетъ двухъ родовъ: демонстративное и дѣйствительное.

Нижній чинъ, не имѣющій достаточныхъ средствъ, чтобы за-сѣсть въ бѣсть и, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно чѣмъ либо обиженный, выражаетъ свой протестъ бѣгствомъ (ферарь-керденъ), причемъ бѣжитъ къ себѣ въ домъ. За нимъ посылаютъ обыкновенно нѣсколькихъ всадниковъ, приводятъ къ начальству и разбираютъ его дѣло. Ловить такихъ бѣглецовъ очень легко, но вызывается цѣлый рядъ расходовъ, падающихъ на начальника и идущихъ на вознагражденіе командированнымъ чинамъ; обыкновенно персидскіе начальники предпочитаютъ забыть про бѣглеца вмѣсто того, чтобы раскошелиться на его поимку.

Обыкновенное же, или, такъ сказать, дѣйствительное дезертирство, съ обязательнымъ уносомъ на возможно большую сумму казеннаго имущества, практикуется сравнительно рѣже, такъ какъ уводъ за собою семьи требуетъ извѣстныхъ расходовъ. Другихъ затрудненій къ дезертирству нѣтъ, такъ какъ скрыться куда угодно очень легко, а въ случаѣ бѣды всегда можно сѣсть въ бѣсть. Дезертирство отчасти парируется тѣмъ, что за всякаго солдата обыкновенно ручается община или частныя лица. По обычаю поручителей можно держать въ заключеніи до возвращенія дезертира, но и эта мѣра требуетъ расходовъ, лежащихъ на карманъ начальника. Слѣдовательно и съ дезертирствомъ очень трудно бороться.

Не менѣе затрудняетъ дѣло и отнимаетъ много времени интрига и ложь.

Человѣкъ, знакомый съ Персією, отлично знаетъ, что всѣ тюрко-татары, армяне, халден, туркмены, всѣ поголовно ненавидятъ персовъ, но все же, несмотря на презрительное къ нимъ отношеніе, не могутъ отдѣлаться отъ ихъ главенства, и арійцы, какъ бы то ни было, являются правящимъ классомъ Ирана.

Въ Персіи, какъ извѣстно, существуетъ обычай, что настѣдникъ престола, Валіахдъ живетъ въ Тавризѣ, окруженный сановниками тюрко-татарами, переѣзжающими съ нимъ при воцареніи въ Тегеранъ и старающимися захватить бразды правленія въ свои руки. Тутъ обыкновенно происходитъ борьба за власть между этими пришельцами, близкими къ новому Шаху людьми, и старинною арійскою знатью. Несмотря на выгоды положенія, тюрко-татары обыкновенно оттираются отъ кормила правленія и незамѣтнымъ для себя образомъ уступаютъ мѣсто персамъ. Причиною этого постоянно

повторяющагося явленія кроется въ культурности арійцевъ, ихъ умъ, тактъ и выдержкѣ, а главное въ хитросплетенныхъ интригахъ. Персъ относится съ глубокимъ презрѣнiемъ къ грубой силѣ, къ брани, крику и даже повышенному тону голоса. Онъ всегда спокоенъ, выдержанъ, и на лицѣ его ровно ничего нельзя прочесть. На непрiятныя рѣчи онъ отвѣчаетъ улыбкою, комплиментомъ, обѣщанiемъ, но въ глубинѣ души и въ головѣ всегда измыслить какую либо хитрую и тонкую комбинацію, дабы обойти или обмануть своего противника и настоять на своемъ. Точно также поступаютъ и персидскiе сановники и въ государственныхъ дѣлахъ. При управленiи провинцiями губернаторы разбиваютъ населенiе на партiи, подстрекають ихъ другъ противъ друга, ссорятъ, мирятъ и въ концѣ концовъ заставляютъ дѣлать по своему. Если персы ведутъ постоянно борьбу другъ противъ друга и преуспѣваютъ въ придворныхъ тонкихъ интригахъ, то борьба съ грубыми и некультурными турко-татарами, туркменами, белуджами и пр. племенами дается имъ легко, и они всегда бывають хозяевами положенiя.

Интригуеть не только высшiй классъ, но всѣ персы, до послѣдняго нищаго, отъ стара до млада. Приэтомъ пускаются въ ходъ: подлоги, лжесвидѣтельство, подкупъ и главное ложь, но умная, тонкая и правдоподобная. Въ проведенiи своихъ дѣлъ персы крайне терпѣливы и выдержаны. Прежде чѣмъ выступить со своимъ настоящимъ дѣломъ, готовится почва, изобрѣтаются побочные процессы, оговариваются свидѣтели, выводятся на сцену подставныя лица. Свѣжiй человекъ первое время на все смотритъ простыми глазами и, лишь потомъ, по горькому опыту, не поддается видимой простотѣ дѣла, а ищетъ скрытую интригу.

Общественное мнѣнiе относится съ крайнимъ добродушиемъ къ интриганамъ «фүзуламъ» и даже любитъ ихъ самыми мошенническими продѣлками, видя въ этомъ «дѣло житейское». Точно также относится и ко лжи, и къ нарушенiю даннаго слова, которое обыкновенно, что называется, въ грошъ не ставится.

Надо сознаться, что съ практической точки зрѣнiя все это умно, но жизнь въ мiрѣ постоянныхъ интригъ, лжи и обмана заставляетъ прибѣгать къ отплатѣ и борьбѣ тою-же монетою, что не всякому подъ силу, да и требуетъ извѣстной нравственной, не каждому доступной, ломки.

Всѣ интриги направлены или къ достиженiю власти, или, что чаще въ обиходѣ средне-персидской жизни, къ приобрѣтенiю материальной выгоды.

У одного француза, старѣйшаго представителя европейской колоніи въ Тегеранѣ, какъ то спросили; кто пользуется большимъ вліяніемъ въ Персіи—Англія или Россія. «Персы, отвѣчаль онъ ни руссофилы, ни англофилы, а кранофилы». И въ этомъ отвѣтѣ замѣчательно много правды, такъ какъ деньги играютъ въ Персіи главную и исключительную роль. Опредѣляя форму правленія Ирана, обыкновенно говорятъ: это деспотическое государство. Но въ это опредѣленіе надо внести поправку: «государство деспотизма денегъ».

Поклоненію деньгамъ способствовали, конечно, историческія причины: не надо забывать, что еще недавно Шахъ пользовался дѣйствительно неограниченною властью надъ своими подданными, и по одному его слову подавалась чашка отравленнаго кофе, или виновный лишался всего своего положенія и состоянія. Какъ ни страшна была смерть, но еще страшнѣе была нищета, въ особенности для человѣка, привыкшаго къ извѣстному комфорту. Поэтому каждый сановникъ и маленькій человѣкъ, достигнувъ извѣстнаго служебнаго положенія, находясь всегда подъ домокловымъ мечомъ, не откладывавъ заботъ объ устройствѣ себѣ состоянія на завтра, а немедленно же приступалъ къ собиранію денегъ, которыя одни лишь могли, въ случаѣ немилости Шаха, обезпечить его существованіе. Стремясь къ извѣстному мѣсту, къ власти, персы не столько стремятся къ самой власти, какъ къ возможности путемъ разнаго рода доходовъ, сконить себѣ состояніе и явное, и тайное. Дѣланіе доходовъ, «*модахила*», не есть по персидскимъ понятіямъ незаконное дѣяніе, а вполне нормальное явленіе, всѣмъ понятное и вполне ясное. По понятіямъ персовъ никто ничего даромъ не дѣлаетъ, и всякая услуга, всякое дѣло, должны оплачиваться. Плата за проведеніе дѣла не имѣетъ значенія взятки, а ничто иное какъ гоцораръ. О размѣрахъ этого вознагражденія говорятъ открыто, торгуются и деньги платятъ на виду у всѣхъ. «Вѣдь, чтобы получить какое либо мѣсто», говорятъ персы, «надо заплатить кому слѣдуетъ, а потому весьма естественно, что деньги эти не только требуется собрать, надо и приумножить». Но берутъ не только за устройство дѣла, а берутъ даже, какъ говорится, «за проходъ денегъ». Если начальникъ части долженъ, положимъ, выдать своему подчиненному слѣдующій ему отъ правительства туманъ, то онъ удерживаетъ извѣстный процентъ въ свою пользу. И каждый персъ въ силу обычая мирится съ необходимостью платить, такъ какъ, платя, онъ въ свою очередь надѣется когда либо достигнуть мѣста,

на которомъ онъ въ свою очередь не постѣдится поприжать публику и извлечь себѣ «модахиль».

За деньги можно купить всякаго перса, устроить или выиграть самый неправильный процессъ, можно купить чины, ордена, званія, откупиться отъ вины и самаго строгаго наказанія. Деньги—путь ко всему и потому составляютъ то солнце, около котораго все вертится и все поклоняется.

Въ Персїи значеніе можетъ имѣть только богатый человѣкъ.

Конечно, персы—военные ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ, а потому и въ арміи существуетъ, какъ бы повальная болѣзнь—желаніе обогатиться, но, быть можетъ, проявляющаяся въ болѣе рѣзкой формѣ, получившей какъ бы правильную организацію. Въ погонѣ за «модахилемъ» участвуютъ все чины, и все сокп въ концѣ концовъ, конечно, выжимаются съ низшей ступени—съ сарбаза.

Персидская армія, какъ извѣстно, состоитъ изъ 76 фоджей пѣхоты, 33 фоджей артилеріи, казачьей бригады, конныхъ жандармовъ, Шахскихъ тѣлохранителей, 16 пѣшихъ и 142 конныхъ иррегулярныхъ частей, общео числительностью въ 5,734 офицера и 91,512 нижнихъ чиновъ. На самомъ дѣлѣ дѣйствительную службу отбываетъ лишь часть войскъ, а остальные фоджи находятся въ отпуску. Обыкновенно войска смѣняются черезъ годъ, самое большое черезъ два. Вызовомъ войскъ на дѣйствительную службу и смѣною ихъ и увольненіемъ въ отпускъ вѣдаетъ военный министръ. Это громадный источникъ дохода. Предполагается, напримѣръ, что обстоятельства требуютъ вызова на дѣйствительную службу десяти фоджей, и вотъ военный министръ пишетъ заблаговременно начальникамъ 20 очередныхъ фоджей предписанія о вызовѣ ихъ полковъ на службу. Такъ какъ нахожденіе фоджей въ отпуску даетъ выгоды командирамъ при условіи быть дома и заниматься своимъ дѣламъ, а выступленіе на службу, а въ особенности въ Тегеранъ, хотя и связанное также съ доходами, вызываетъ массу затратъ на обмундированіе, снабженіе, на взятки контролерамъ и другимъ пачальствующимъ лицамъ, а также не менѣ хлопотъ по обученію сарбазовъ, то командиры начинаютъ торговаться съ военнымъ министромъ, чтобы откупиться отъ своей очереди и остаться дома. Тогда десять самыхъ скуныхъ, или бѣдныхъ командировъ окончательно получаютъ приказаніе выступить на службу. Не надо, однако, думать, чтобы военный министръ оставилъ въ

покоѣ этихъ командировъ и отказался отъ поборовъ съ нихъ. Нѣтъ теперь начинается съ ними торгъ о мѣстѣ командировки, а затѣмъ о количествѣ солдатъ, которое они должны дѣйствительно привести къ мѣсту назначенія, или, иначе говоря, устававливается вопросъ «о мертвыхъ душахъ», и объ обоюдной выгодѣ.

Не малый доходъ получаетъ военный министръ за назначеніе на должности. Умираетъ, напримѣръ, командиръ фоджа. Обыкновенно это крупные помѣщики тѣхъ имѣній, въ округахъ которыхъ комплектуется фоджъ. Такъ какъ командованіе частью, расположенною въ ихъ деревняхъ, даетъ громадную силу въ тяжбахъ разнаго рода и для подавленія неудовольствій, всегда случающихся среди «рейетовъ», крестьянъ, то на освободившееся мѣсто много конкурентовъ среди мѣстныхъ помѣщиковъ, причемъ главными кандидатами по праву обычая являются наслѣдники умершаго. Происходитъ торгъ, и обыкновенно за 15—20 тысячъ тумановъ полкъ переходитъ къ новому шефу, причемъ военный министръ дѣлится съ садразамомъ, и даже подноситъ пешкешъ «Шаху».

Производство въ чины, назначеніе на высшія должности, пожалованіе орденовъ, но главное рѣшеніе процессовъ, все это даетъ военному министру крупныя доходы.

Иногда съ цѣлью созданія новыхъ доходовъ создаются новыя должности съ почетнымъ титуломъ. Такъ принцъ Эйвъ-эдъ-Доулэ, совмѣстившій въ своемъ лицѣ мѣсто садразама и начальника арміи, создалъ мѣсто командующаго арміею, «Сапехдара» и взялъ за эту должность съ Насръ-эсъ-Солтанэ 40,000 тумановъ. Затѣмъ, подвергшись нападенію газетъ за совмѣщеніе должностей садразама и Сапехсалара въ своихъ рукахъ, пр. Эйвъ-эдъ-Доулэ для успокоенія общественнаго мнѣнія создалъ должности 12 сардаровъ, начальниковъ высшихъ войсковыхъ тактическихъ соединеній, непосредственно, подчиненныхъ Шаху, взялъ съ каждаго изъ назначенныхъ по 25 т. тумановъ, но такъ ловко провелъ эту реформу, что оставилъ все по старому, давъ сардарамъ власть лишь на бумагѣ.

Такимъ образомъ, военные министры пользуются громадными доходами. Покойный Сапехсаларъ Амиръ-Ханъ-Сардаръ, не будучи полноправнымъ начальникомъ арміи, имѣлъ въ годъ до 200 т. тумановъ модахилы и въ теченіе своего нахожденія у власти составилъ себѣ состояніе въ 4 мил. тумановъ.

Обыкновенно взятка принимается только въ томъ случаѣ, если имѣется возможность устроить нужное дѣло. Въ противномъ случаѣ деньги или не принимаются, или возвращаются подносителю. Но бываютъ случаи, когда разъ поднесенный пешкошъ не возвращается, даже въ случаѣ неудачи въ хлопотахъ. Все зависитъ отъ милости начальника.

Весьма понятно, что и подчиненные военнаго министра не уступаютъ ему ни въ желаніи, ни въ умѣи стричь свое стадо. Разъ съ нихъ берутъ—и они должны пополнять свои расходы: таковъ, освященный обычаемъ, законный и логическій ходъ мысли и дѣйствій.

Командиръ, или вѣриѣ, Шефъ фоуджа, старается возможно больше получить съ правительства и возможно меньше выдать сарбазамъ. Какъ уже было выше сказано, средствомъ для того служить содержаніе въ части вмѣсто паличныхъ людей «мертвыхъ душъ», количество которыхъ опредѣляется по соглашенію съ военнымъ министромъ. Собственно служба отъ сарбазовъ требуется отъ половины сентября до начала мая, такъ какъ въ маѣ уже наступаютъ сильныя жары, и Шахъ, а съ нимъ и вся знать разъѣзжаются по лѣтнимъ резиденціямъ, и сарбазы распускаются въ отпускъ вплоть до осени на вольныя работы въ городъ Тегеранъ и по окрестности; остается только самое необходимое число для занятія карауловъ и служебныхъ нарядовъ. Тоже самое продѣлывается и въ другихъ городахъ Персіи. Независимо отъ этого, во время сбора частей по гарнизонамъ, существуютъ отпуска, разрѣшаемые домашнимъ образомъ начальниками частей. Во время всѣхъ этихъ отпусковъ съ офицеровъ и нижнихъ чиновъ цѣлкомъ удерживается суточное довольствіе, иногда половинное жалованье, фуражныя, и часто принимается еще и пешкошъ за отпускъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняется обмундированіе и снаряженіе. И все это идетъ въ пользу начальниковъ частей. Лѣтомъ во время лагерныхъ сборовъ разбирается безкошечное число палатокъ, но большинство ихъ пустоуетъ, такъ какъ всѣ хорошіе солдаты пускаются въ отпускъ и собираются непосредственно передъ парадами на нѣсколько дней, дабы сколотить часть, отбыть смотръ и возможно скорѣе снова распустить ихъ. Дѣлается это, конечно, лишь во время общихъ смотровъ всему гарнизону, когда нѣтъ возможности заполнить недочетъ въ рядахъ сарбазовъ папятами изъ другихъ фоуджей. Правда, закономъ установлена повѣрка численности войскъ, обязанность эта лежитъ

на Везирь-Ляшкеръ и его чиновникахъ и должна производиться при вступленіи частей въ Тегеранъ или при прохожденіи черезъ города, въ которыхъ есть контролеры. Положено также это контролированное и въ теченіе года. Но и тутъ законы обходятся: или нанимаются сарбазы другихъ частей и даже хамбалы съ базара, или, что практикуется чаще, взятка устраиваетъ дѣло.

По полученіи надлежащаго приношенія отъ командира части, Везирь-Ляшкеръ выдаетъ свое удостовѣреніе въ исправности наличнаго состава части. Если же наличное число провѣряемой части настолько меньше списочнаго числа, что это уже слишкомъ бросается въ глаза, то контролеръ пишетъ «столькихъ то нѣтъ по болѣзни и по такимъ-то законнымъ причинамъ» и при этомъ упоминаетъ далеко не всѣхъ отсутствующихъ, а не болѣе $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ всего ихъ числа, въ зависимости отъ количества и качества (лошади, шапи, ковра), поднесеннаго пешкеша. Напримѣръ, если отсутствуетъ 300 человекъ,—пишетъ, что отсутствуетъ всего только 50—60, а такъ какъ берутъ написанъ на полученіе денежнаго довольствія на полное списочное число, то сумму, причитающуюся на вышеупомянутыхъ 50—60 человекъ, каждый разъ зашиваютъ въ цвѣтной шелковый мѣшечекъ и представляютъ правительству въ видѣ тягдим'а (поверженіе къ стопамъ). Если контролеръ провѣряетъ лошадей кавалерійской части, то долженъ выдать удостовѣреніе въ исправности, какъ наличнаго состава людей, такъ и лошадей.

За производство офицеровъ и векилей на открывшіяся вакансіи, за представленіе къ орденамъ и разнаго рода званіямъ, за рѣшеніе тяжёбныхъ дѣлъ въ ихъ пользу, за избавленіе отъ наказаній и за разнаго рода темныя сдѣлки, начальникъ части тянетъ съ подвѣдомственныхъ ему чиновъ. При уплатѣ нижнимъ чинамъ суточныхъ, часть ихъ также застреваетъ въ его карманѣ. Все это въ общей сложности даётъ не малый доходъ, что сознается открыто всѣми. И на назначеніе командиромъ части смотрятъ, какъ на полученіе выгоднаго доходнаго предпріятія.

Всѣ низшіе начальники, а преимущественно султаны, командиры ротъ, въ свою очередь выжимаютъ послѣдніе соки изъ бѣдныхъ сарбазовъ. Главнымъ источникомъ ихъ доходовъ служить удержаніе львиной доли теदारока, т. е. вспомоствованія деньгами и зерномъ отъ общины солдату, въ свою пользу, отпускъ солдатъ въ желаемые отъ высшаго начальства отпуски и назначеніе ихъ въ караульные къ частнымъ лицамъ.

Назначеніе сарбазовъ въ караулы къ частнымъ лицамъ настолько характерный обычай персидской арміи, что на немъ положительно стоитъ остановиться.

Въ Персіи, какъ извѣстно, особенную роль играетъ «Тешахусъ», т. е. почетъ, оказываемый извѣстному лицу и пышность, которую оно проявляетъ. Главный признакъ важности извѣстнаго сановника заключается въ количествѣ прислуги, которую онъ держитъ дома и которою онъ себя окружаетъ на улицѣ. Поэтому у большинства бузургановъ (аристократовъ) старой формации безчисленные толпы слугъ всякаго рода, съ разными титулами: у нѣкоторыхъ въ одномъ Тегеранѣ, такъ сказать, при ихъ особѣ, 300—400 человекъ. По городу ихъ карету окружаютъ не менѣе 20—30 всадниковъ, а въ случаѣ выхода пѣшкомъ на улицу свита доходитъ до 50—70 человекъ. Этому обычаю, по мѣрѣ силъ и возможности, стараются подражать всѣ, не исключая и европейскихъ дипломатическихъ представителей и отдѣльныхъ европейцевъ, изъ которыхъ почти всѣ считаютъ также невозможнымъ выходить на улицу безъ 1—3 слугъ. Но, такъ какъ содержаніе слугъ, а въ особенности всадниковъ для эскортированія не подѣ силу всѣмъ большимъ маніей «тешахуса», то существуетъ слѣдующій компромиссъ между карманомъ всякаго и войскомъ. По просьбѣ всякаго начальника частей за извѣстную плату назначаютъ «карауль», т. е. извѣстное число сарбазовъ, выставляющихъ часовыхъ у входныхъ дверей и сопровождающихъ лицо, у котораго служить, на улицѣ. Обыкновенно обязанности карауловъ этимъ не ограничиваются: они нянчатъ дѣтей, готовятъ кушанье, исполняютъ всѣ домашнія работы и ходятъ на посылки. Въ большинствѣ случаевъ сарбазы идутъ въ карауль парами. Изъ пары по очереди одинъ остается въ качествѣ сторожа и для дневныхъ домашнихъ работъ, а другой отлучается на пощенницу или на базаръ для разныхъ работъ.

За наемъ солдатъ установленъ родъ таксы. Такъ, казаку платятъ въ мѣсяць—пѣшему 3, а конному—4 тумана. Сарбазу въ зависимости отъ фоджа даютъ отъ 1½ до 2-хъ тумановъ. Этотъ обычай почти узаконенъ правительствомъ, отлично понимающимъ, что голодному солдату, не получающему къ тому же аккуратно содержанія, невозможно существовать. Начальнику, понимающему вредъ этихъ «карауловъ», положительно невозможно было бы упразднить обычай, такъ какъ онъ возбудилъ бы противъ себя нанятелей, сарбазовъ и офицеровъ, такъ какъ султаны за подоб-

ныя назначенія удерживаютъ съ сарбаза не только его суточные (т. е. 7—10 коп. въ сутки), но и получаютъ съ нихъ ежемѣсячный пешкешъ.

Всѣ эти поборы, а главное неакуратность уплачиванія правительствомъ слѣдующаго содержанія (нѣкоторымъ полкамъ правительство должно содержаніе за 2—3 года) заставляютъ сарбазовъ, помимо назначенія въ караулъ, искать и другихъ, такъ сказать, отхожихъ промысловъ, въ присвоенной имъ военной формѣ, безъ всякихъ стѣсненій. Главное ихъ занятіе—самое хищническое ростовщичество. Сарбазы даютъ по мелочамъ подъ залогъ всевозможныхъ вещей, деньги, причѣмъ берутъ съ каждаго крана по шаю въ сутки, что составляетъ въ мѣсяцъ 150⁰/₀; но этимъ сарбазъ еще далеко не ограничивается: по окончаніи каждаго мѣсяца онъ снова учитываетъ долгъ и на второй мѣсяцъ беретъ проценты уже не съ одного, а съ 2½ крановъ и т. д. Такимъ образомъ, въ теченіе одного только года капиталъ увеличивается въ двадцать разъ. Характернѣе всего то, что въ случаѣ жалобъ на сарбазовъ за лихоимство и даже обратно, въ случаѣ жалобъ самихъ сарбазовъ за неуплату процентовъ своею жертвою—персидскія власти поддерживаютъ сарбазовъ, принуждая должниковъ уплатить все сполна. Отсюда вѣчныя ссоры и драки, но въ общемъ очень рѣдко оканчивающіяся увѣчьемъ.

Сарбазъ, кромѣ того, идетъ на базаръ хамбаломъ, т. е. черно-рабочимъ или табакешю (переносить тяжести на подносѣ на головѣ), занимается размѣномъ мелкой монеты, мясничествомъ, фруктовому или мелочною торговлею и разными другими промыслами, обращая, такимъ образомъ, военную службу во второстепенное занятіе, которому отдается лишь, какъ бы вскользь.

Кромѣ корыстолюбія бичемъ персидской арміи является фаворитизмъ и протекціонизмъ. Благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ и знаніямъ, рѣдко кто можетъ выдѣлиться. Обыкновенно высказываютъ лишь благодаря протекціи, которая пустила глубокіе корни въ видѣ приказанія или равносильныхъ приказаніямъ просьбъ начальства и даже самого Шаха, просьбамъ устнымъ и письменнымъ знатныхъ лицъ и даже почти неизвѣстныхъ знакомыхъ. Начальникъ, который желалъ бы придерживаться абсолютной справедливости въ оцѣнкѣ и повышеніяхъ своихъ подчиненныхъ, очень скоро бы лишился, если не своего мѣста, то, во всякомъ случаѣ, создалъ бы себѣ враговъ въ лицѣ, во-первыхъ, тѣхъ, кого онъ

оскорбилъ своимъ отказомъ, во-вторыхъ, тѣхъ, кого не повысилъ и, наконецъ, даже тѣхъ, во имя которыхъ, изъ за идеи справедливости, сражался, такъ какъ лишилъ ихъ надежды отыскать въ будущемъ какую-либо протекцію. Особенно же солоно ему пришлось бы отъ тѣхъ лицъ, чьею просьбою онъ пренебрегъ. Въдъ въ Персіи всѣ дѣла устраиваются не согласно законамъ, а благодаря отношеніямъ. Ходатайствуя за своихъ подчиненныхъ, также приходится ѣздить съ просьбами, писать и рекомендовать и по преимуществу обращаться къ тѣмъ же лицамъ, чье ходатайство въ свое время не было уважено. И, конечно, мстительные азіаты никогда не забывающіе обиды, не упустятъ случая, чтобы не только не придти на помощь, но не преминуть даже напортить.

Главнымъ послѣдствіемъ фаворитизма является крайне плохой составъ корпуса офицеровъ. Такъ какъ для производства въ этотъ чинъ не существуетъ ни экзаменовъ, ни повѣрокъ знаній, ни даже какихъ-либо правилъ о производствѣ, а все зависитъ отъ личнаго произвола временщиковъ и власть имѣющихъ, то нерѣдко не только простой рядовой, но даже человѣкъ, никогда не выдавшій военной службы, сразу попадетъ въ султаны (капитаны), сергенчи и даже сартипы (генералы). Случай же производства черезъ чинъ или два самое обыкновенное явленіе.

Въ офицеры попадаютъ, прежде всего, по наслѣдству лица, принадлежація къ высшему сословію и богатые за деньги, мѣстные помѣщики, родственники женъ высокопоставленныхъ особъ, разные красивые мальчики, наушники, доносчики, разные фавориты придворныхъ интригановъ. Лишь очень небольшое количество молодыхъ лицъ, окончившихъ военныя медресе, попадаютъ въ армію, офицеры которой въ общемъ являются совершенно неподготовленными, безграмотными и безнравственными.

Ужасная, выработанная вѣками, привычка обращаться за протекціей къ кому либо, создала даже обычай открыто восхвалять свои заслуги и просить за себя, причемъ, надо сознаться, иногда въ очень оригинальной и остроумной формѣ. Къ командиру персидской казачьей бригады одинъ крайне неспособный и безнравственный офицеръ однажды обратился съ такимъ вопросомъ: «Вчера я былъ у одного лоштаида для рѣшенія своего дѣла, но онъ сказалъ, что не можетъ принять моей стороны, такъ какъ я, вѣроятно, очень глупъ, ибо уже восемь лѣтъ въ томъ же чинѣ. Что прикажете ему отвѣтить». На вопросъ того же начальника, обращенный къ дру-

тому офицеру, почему его сынъ себя скверно ведетъ, послѣдоваль отвѣтъ: оттого, что онъ сынъ офицера, уже три года не получавшаго награды и т. д. И всѣ эти просьбы, несмотря на принимаемыя мѣры, очень часты.

Получая крайне скудное содержаніе, персь-сарбазъ служитъ, по его понятіямъ, лишь сообразно получаемымъ деньгамъ. Этому также сильно способствуетъ лѣнь, развиваемая, быть можетъ, климатическими условіями. Занятія, не болѣе 1—1½ часовъ въ сутки ведутся лишь три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Только казачья бригада занимается еще по средамъ. Въ случаѣ желанія начальниковъ обучать людей ежедневно за исключеніемъ пятницы, обыкновенно сарбазы не только выражаютъ открыто свое неудовольствіе, но готовы даже сѣсть въ бѣсть. Вынести занятія продолжительнѣе 1½ часовъ персь по своей слабосильности не можетъ и падаетъ въ обморокъ или поражается солнечными ударами и пароксизмами лихорадки. За то ждать, снѣда на солнышкѣ, какъ это бываетъ обыкновенно передъ разными церемоніями и шахскими смотрами, сарбазъ можетъ безконечно, лишь бы ему давали отъ времени до времени напиться воды со льдомъ.

Слабосильность перса происходитъ отъ крайне плохого питанія и ослабляющаго свойства климата. Вставая съ разсвѣтомъ, сарбазъ сѣдаетъ немного лаваша, въ обѣдъ также незначительное количество хлѣба съ ломтикомъ сыра, или вѣтку винограда, а вечеромъ крошечную чашечку кислаго молока или супа съ накрошеннымъ хлѣбомъ. Лѣтомъ все населеніе исключительно живетъ зеленью, тутою, алучею, дынями, арбузами, огурцами и спичими баклажанами. Русскому человѣку совершенно непонятно, какъ можетъ при такой скудной пищѣ существовать человѣкъ. Но замѣчательно, что при всей своей слабосильности, персь удивительно выносливъ къ хожденію и можетъ не только безъ утомленія пройти въ жару 30—40 верстъ, но совершенно легко пробѣгаетъ почти безъ передышки 5—6 верстъ.

Очевидно, что крайняя скудость въ питаніи происходитъ отъ бѣдности перса. Но это вѣрно только отчасти, такъ какъ въ противоположность нашему простолюдину, персь склоненъ къ откладыванію сбереженій на черный день, почти всегда въ ущербъ своему питанію. Кромѣ того, предупредительность закона по отношенію къ свободѣ заключать браки, почти насильно вынуждаетъ мно-

гихъ подданныхъ Шаха на каждомъ новомъ мѣстѣ жительства разводиться новою женою, требующей, конечно, заботь о пропитаніи. Всѣ сарбазы, переходя изъ города въ городъ, женятся, разводятся, а часто просто бросаютъ женъ, въ особенности бездѣтныхъ, на произволь судьбы. Поэтому жизнь женатыхъ сарбазовъ въ казармахъ не привилась, несмотря на всѣ попытки, какъ не привилась проба устраивать сарбазамъ довольствіе изъ общаго котла. Лишь въ казачьей бригадѣ, да и то во время лагерей, русскимъ инструкторамъ удалось осуществить такое довольствіе.

Изъ всего сказаннаго можно, кажется, составить себѣ нѣкоторое представленіе о бытѣ персидскихъ войскъ. Но, дабы дополнить этотъ небольшой очеркъ, желательно охарактеризовать персидскаго солдата. Но не забудемъ, что персидская армія комплектуется двумя расами—персами-арійцами и тюрко-татарами.

Персы съ отвращеніемъ относятся къ военной службѣ, онъ трусливъ, фальшивъ, лѣшивъ, корыстолюбивъ, интриганъ, слабосиленъ, вялъ, но крайне способенъ, любознателенъ и уменъ. Офицеры-персы развиты, по преимуществу грамотны, развратны, и вѣчно заняты интригами. На нихъ положиться нельзя.

Тюрко-татаринъ любитъ военное дѣло, можетъ быть храбрымъ, вспыльчивъ, грубъ, энергиченъ, также фальшивъ, но менѣе способенъ, не развитъ и фанатиченъ. Офицеры по преимуществу отличные стрѣлки, наѣздники, относительно простоваты. На нихъ можно положиться, и изъ татарина, кажется, можно сдѣлать хорошаго солдата.

Пути сообщенія.

Въ Персіи лишь недавно появились экипажи, молочанскіе фургоны и повозки, и то на большихъ магистральныхъ. По всѣмъ остальнымъ направленіямъ все пассажирское и грузовое движеніе производится на вьюкахъ, на лошадяхъ, мулахъ, ослахъ и верблюдахъ. Поэтому дороги совершенно не разработаны: по участкамъ, созданнымъ ровными природою, можетъ двигаться колесный обозъ, но какой-нибудь спускъ или ущелье, дѣлаютъ дороги проходимыми на всемъ протяженіи только для вьючныхъ животныхъ.

Пути изъ Тегерана въ Хамаданъ.

Отъ Тегерана въ Хамаданъ всего около 300 верстъ по кратчайшему пути. Первымъ ночлегомъ служитъ Рабатъ-Керимъ, вто-

рымъ Пикъ (на границѣ Савэ), третьимъ Хоршидь-Абаде-Зярэндъ, четвертымъ Баги Шахи и Селиджердь, пятымъ Гейтаніе или Имамъ-Задэ, шестымъ Науберанъ (далѣе ночлеги лежатъ уже въ Хамаданской провинціи), причемъ пути, по которымъ слѣдуютъ караваны, проходятъ въ зависимости отъ времени года и наличія подножного корма на томъ или другомъ направленіи.

Лѣтомъ караваны идутъ по большой Хамаданской дорогѣ, сопровождаемой телеграфными столбами черезъ Дестджирдь, Хушкекъ, Биберанъ, Науберанъ и Пуль-Рахдаръ-Ханъ, такъ какъ животныя могутъ пользоваться подножнымъ кормомъ на горномъ участкѣ пути отъ Хушека до Науберана. Это и есть кратчайшій и наиболѣе торный путь, такъ какъ большинство каравановъ, какъ извѣстно, движется лѣтомъ и раннею осенью.

Зимою предпочитаютъ слѣдовать черезъ городъ Савэ. къ которому съ только что описаннаго пути сворачиваютъ отъ деревень: 1) Пикъ (около); 2) Джестеджирдь, и 3) Лалеканъ. Отъ Савэ же путники идутъ по дорогѣ вдоль р. Маздегана-Чая до выхода на большую дорогу черезъ Хушкекъ и Биберанъ и далѣе на Нуберанъ и Пуль-Рахдаръ-Ханэ.

1) *Участокъ Пикъ-Савэ* (48 вер.), колесная дорога, по которой обыкновенно слѣдуютъ изъ Тегерана въ Савэ.

2) *Участокъ Дестеджирдь-Савэ* (39 вер.), черезъ д. Мээмуни Зэрэндэ-Кохнэ, горы Ку-Ренгъ-Ресь, Фатхъ-Аббадь. Дорога проходима экипажемъ. Около Кавэ-Ханэ (въ 17 верстахъ отъ Савэ) на Ку-Ренгъ-Рясъ—источникъ прѣсной хорошей воды.

3) *Участокъ Лалеканъ-Савэ*, черезъ Караванъ-Сарай-Дангъ, Гядуке-Дерре-Дузданъ и Яхья-Аббадь, длиною 35 верстъ, колесная, причемъ затрудненіе для движенія экипажа лишь у перевала Дерре-Дузданъ. На всемъ протяженіи вода имѣется только въ 2-хъ верстахъ южнѣе караванъ-сарая Дангъ въ источникъ Акъ-Булакъ и еще другомъ безъимянномъ, тутъ же текущемъ. Въ обходъ этой дороги существуетъ вьючный путь черезъ д. Верде и Баги-Шахи къ Яхья-Аббаду.

4) *Участокъ Савэ-Науберанъ-Пуль-Рахдаръ-Ханъ*, дорога вдоль рѣки Маздеганъ-Чая около многочисленныхъ деревень, слѣдовательно, обезпеченная водою и продовольственными припасами. Дорога колесная. Мостъ Пуль-Рахдаръ-Ханъ разрушенъ и проходимъ только для пѣшеходовъ. На пути слѣдующія деревни, ночлежные пункты: Хенганіе, Гейтаніе, Имамъ-Задэ, Герзаббадь, Мазла-

ганъ-Кохнэ, Науберанъ. Въ 2-хъ верстахъ къ востоку отъ д. Мазлаганъ-Кохнэ дорога выходитъ на большой Хамаданскій путь черезъ Хушкекъ и Биберанъ. Въ Науберанѣ телеграфная станція.

Пути изъ Казвина въ Кумъ и Султанъ-Аббадъ.

Отъ Казвина до Савэ приблизительно 140 верстъ, и караваны слѣдуютъ по дорогѣ черезъ караванъ-сарай Гхиджибъ и Хошкэ-Рудъ, а далѣе отъ Лалекана до Савэ по уже описанному участку № 3. Отъ Савэ же на югъ (въ Султанъ-Аббадъ) идутъ двѣ дороги: такъ называемая Тефришская (участокъ № 6) и Ра-Али-Ханъ-Бегп (участокъ № 7). На юго-же востокъ, т. е. въ Кумъ идетъ дорога изъ Савэ на Манзаріе (участокъ № 8) и отъ Салья-Аббада на участкѣ № 7 отдѣляется участокъ № 9 черезъ караванъ-сарай Шахъ-Аббаси.

5) *Горы Ку-Питекъ* (граница губ. Казвинъ). Караванъ-сарай Гхиджибъ-Лалеканъ (35 верстъ); по этому участку съ трудомъ можетъ двигаться колесный обозъ. Черезъ горную цѣпь, отдѣляющую Савэ отъ Казвина, есть еще нѣсколько вьючныхъ тропъ.

6) *Тефришская дорога*, по которой слѣдуютъ путники въ Тефришъ и Аштіанъ (до Бяндъ Шахъ-Аббаси 21 в.) и идетъ по ровной мѣстности до Бяндъ. Въ тѣснинѣ этой крайне трудный подъемъ даже для вьючныхъ животныхъ къ Ку-Барика. Бяндъ-Шахъ-Аббаси служитъ притономъ разбойникамъ.

7) *Ра-Али-Ханъ-Бегп*, участокъ, идущій на югъ отъ Савэ черезъ Дерре-Дерагъ, до котораго около 21-й версты. До названной тѣснины препятствій для движенія нѣтъ.

8) *Дорога на Кумъ черезъ Мензарье*, станція на Тегерано-Кумской дорогѣ, до которой отъ Савэ 50 верстъ. Дорога идетъ по ровной мѣстности, по которой колесный обозъ встрѣтитъ затрудненіе въ движеніи только въ сырое время года. Проходитъ черезъ много деревень. Зимой, осенью и весной въ изобиліи подножный кормъ. Отъ д. Реза-Аббадъ на юго-востокъ, мимо горъ Геддезъ-Геммезъ на участокъ 9-й выходитъ соединительная дорога.

9) *Участокъ пути отъ Салья-аббада въ Кумъ* черезъ караванъ-сарай Шахъ-Аббаси совершенно не описанъ.

Кромѣ этихъ главныхъ путей, въ провинціи есть еще нѣсколько дорогъ чисто мѣстнаго значенія, а именно: двѣ дороги, пересѣкающія восточную часть провинціи въ направленіи съ востока на за-

падъ: дорога изъ Хушкека въ Ларъ (уч. № 10) и путь изъ Савэ въ Саманъ (уч. № 11). Затѣмъ меридіональные участки: изъ Бугина въ Дестеджирдъ (уч. № 12), изъ караванъ-сарая Гхиджиба въ Биберанъ (уч. № 13), изъ Мезыргана въ Мимэ (уч. № 14), изъ Лара въ Саманъ (уч. № 15), изъ Чинара черезъ Хенгане въ Сальяхаб-бадъ (№ 16).

10) *Дорога изъ Хушкека въ Ларъ* (42 версты) идетъ по сѣвернымъ предгорьямъ средняго горнаго массива, пересѣкая много горныхъ отроговъ по неразработаннымъ спускамъ и подъемамъ, по которымъ, однако, артилерія съ нѣкоторыми исправленіями можетъ, въ случаѣ необходимости, пройти. По пути много воды и достаточно населенныхъ пунктовъ.

11) *Дорога изъ Савэ въ Саманъ черезъ Мивештъ и Биберанъ*, длиною въ 80 верствъ, идетъ вдоль южной подошвы срединнаго горнаго массива, по равнинѣ р. Мазлаганъ-Чая. Дорога колесная, плохого качества, съ большими затрудненіями для движенія черезъ переваль Гедукэ-Биберанъ. Воды мало на участкѣ Савэ-Биберанъ.

12) *Участокъ отъ Бугина въ Дестеджирдъ*, въ 30 верствъ длиною, идетъ по горамъ Ку-Джару, равнинѣ Бугейнъ, Ку-Конакъ и равнинѣ Лалеканъ, мѣстнаго характера, не описана. Мѣстность маловодная.

13) *Участокъ отъ караванъ-сарая Гхиджибъ въ Биберанъ*, около 48 верствъ длиною, служить для сокращенія пути изъ Казвина въ Хамаданъ. На протяженіи отъ караванъ-сарая Гхиджибъ до Разыгана хорошая вьючная и даже колесная дорога, но отъ Разыгана до Биберана лишь вьючная тропа. Дорога не описана.

14) *Участокъ изъ Мазыргана въ Мимэ*, около 25 верствъ, вьючная тропа черезъ средній горный массивъ; не описана.

15) *Участокъ изъ д. Ларъ въ Саманъ*, длиною около 30 верствъ. Вьючная тропа, но лучшая изъ всѣхъ меридіональныхъ направленныхъ восточной части провинціи. Много воды.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ путей имѣется, конечно, еще нѣсколько тропъ, имѣющихъ мѣстное значеніе, но о нихъ пока свѣдѣній не имѣется.

О дорожной стражѣ, карасуранахъ.

Движеніе по персидскимъ дорогамъ, въ особенности для отдѣльныхъ путниковъ, не обезпечено отъ нападенія разбойниковъ, по-

этому правительство учредило отдѣльную стражу, карасурановъ, подчиняющихся губернаторамъ.

Въ Савѣ карасураны получаютъ отъ правительства въ годъ 15 тумановъ и ежедневно 1 батманъ ячменя, 2 батмана саману и $1\frac{1}{2}$ батмана пшеницы. Лошади у карасурановъ собственныя, вооруженіе—ружья Врендля; на человѣка имѣется 10—15 патроновъ.

Скудость получаемого содержанія часто обращаетъ карасурановъ въ разбойниковъ.

§. Чернозубовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

